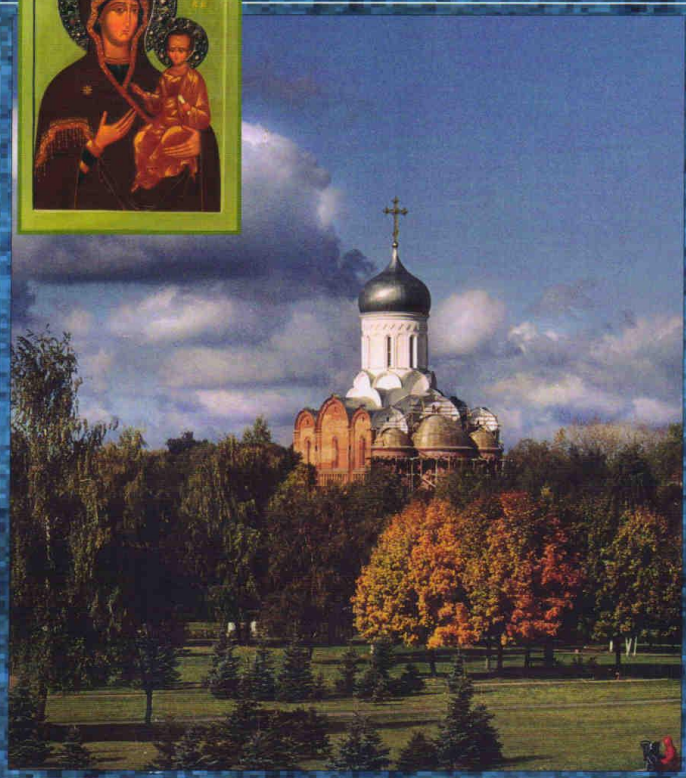

СВЯТО-НИХАЙЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы чтений 2002 года,
вторая часть

Свято-Михайловские Чтения

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

14–21 ноября 2002 г.

Доклады и тезисы
Часть II

Православное Братство
в честь Святого Архистратига Михаила
в г. Минске, 2004

УДК 271.2*712*
ББК 86.372
С 25

С 25 **Свято-Михайловские Чтения "Православие и современность".
14–21 ноября 2002 г. Доклады и тезисы. Часть II.** – Мн.: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2004. – 175 с.

ISBN 985-6484-28-6

УДК 271.2*712*
ББК 86.372

ISBN 985-6484-28-6

© Братство в честь Святого
Архистратига Михаила в
г. Минске Минской епархии
Белорусской Православной
Церкви, 2004

СЛОВО СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА В ПОХВАЛУ ФИЛОСОФА ИРОНА КАК ОБРАЗЕЦ ХРИСТИАНСКОГО ПАНЕГИРИКА

Панегирический жанр античного красноречия имел большую популярность и широкое распространение в греко-римском мире. В христианскую эпоху этот жанр был охотно воспринят Церковью и облечен в форму христианской проповеди, сохранив при этом все характерные для него черты. Жанр проповеди-панегирика привился в церковной практике благодаря знаменитым христианским проповедникам, получившим классическое образование. Одним из таких христианских риторов был святитель Григорий Назианзин. Обаяние слов этого Святителя было столь велико, что на основе текстов его творений были составлены великие образцы церковной гимнографии, каковыми являются, например, каноны Рождества Христова и Пасхи. Известный византийский мыслитель Михаил Пселл, восхищаясь риторическим искусством этого святого, считал его идеальным христианским ритором, превосходящих всех по уму и красоте, и даже называл его создателем панегирического красноречия¹. Конечно, не святитель Григорий является изобретателем христианского панегирика. Еще в третьем столетии святителем Григорием Неокесарийским была произнесена благодарственная

речь Оригену. Хотя эта речь и не являлась церковной проповедью, но имела те черты, которые стали характерными для последующих христианских панегириков. Похвальные проповеди писали и современники святителя Григория Назианзина, например, его друг, святитель Василий Великий.

Среди проповедей святителя Григория, написанных в жанре панегирика, имеется и Слово в похвалу философа Ирона. Построенное по всем правилам, свойственным античным панегирикам, насыщенное античными риторическими приемами, это слово, как и другие подобные ему проповеди Святителя, несет на себе следы христианского переосмысления жанра похвального слова.

Свое слово Святитель начинает с указанием причины похвалы, которую он раскрывает, используя паронимию, схожее звучание греческих слов *φιλόσοφος*-философ, *φιλοσοφία*-философия и *σοφία*-(пре)мудрость, а также *λόγος*-слово и *Λόγος*-Логос².

«Хотя болен я телом, но буду хвалить философа (φιλόσοφον) (ибо сие и есть знак любомудрия (φιλόσοφον γάρ)); и поступлю весьма справедливо. Ибо он философ (φιλόσοφος), а я служитель Мудрости (σοφίας); почему мне и прилично хвалить его, чтобы доказать свое любомудрие (φιλοσοφήσω), если не другим чем, по крайней мере удивлением философу (φιλοσοφίαν). А по моему рассуждению (λόγος), должно или самому любомудрствовать (φιλοσοφητέον), или уважать любомудрие (φιλοσοφίαν), если не хотим совершенно лишиться всякого добра и подпасть осуждению в неразумии (αλογίαν) тогда как мы одарены разумом (λογικοί) и посредством слова (λόγου) течем к Слову (Λόγον)»³.

Ирон – философ, любитель мудрости, святитель Григорий – служитель (Пре)мудрости (т.е. Сына Божия), так что хваля философа, любителя мудрости, можно доказать свою любовь к (пре)мудрости и посредством человеческого слова обратиться к Слову Божественному, т.е. к Сыну Божию. Так с самого начала Святитель подчеркивает, что настоящим объектом его похвалы является не просто человек, а человек, как любитель премудрости, той премудрости, которая своим источником имеет Божественную Премудрость, т.е. Божественный Логос. Конечным объектом такой похвалы является уже не человек, а Бог. Такую же идею Святитель проводит и в других своих панегириках. Например, похвальное слово святому Афанасию он начинает с таких слов: «Хваля Афанасия, буду хвалить добродетель... А хваля добродетель, буду хвалить самого Бога, от которого в людях добродетель»⁴. Так святитель Григорий с первых же строк переосмысливает жанр панегирика, поставляя его на службу христианству и превращая панегирик из похвалы человеку в похвалу добродетели и Богу.

Продолжая вступление, Святитель подчеркивает скудость своих способностей для изображения достоинства дел Ирона: «Слово мое ничего не прибавит к делам, а разве уменьшит их достоинство своею скудостью»⁵. Подобного рода антитеза, призванная усилить впечатление от величия хвалимого лица, является чертой, характерной для большинства панегириков. Панегирики традиционно начинались с указания на величие лица или предмета и на слабость сил оратора для изображения этого величия⁶. Этот же прием использовал Святитель и в похвальном слове святому Василию Великому: «Трудно говорить в похвалу сего мужа, трудно не для меня одного, который давно отказался от соискательства чести, но и для тех, которые целую жизнь посвятили слову, над ним единственно трудились»⁷. Однако Святитель все-таки решается похвалить Ирона, движимый желанием извлечь из этого пользу и через это облагодетельствовать жизнь.

Развивая мысль о том, что восхваление доброго приводит к блаженству, т.е. к Богу, оратор использует риторический прием, называемый Гермогеном эпанастрофой⁸: «Первое из благоденствий – восхвалять доброе; потому что похвала пролагает путь соревнованию, соревнование – добродетели, добродетель – блаженству, которое составляет верх желаний, цель всех стремлений любоведца»⁹. Этот прием связан с ситуацией, когда последнее слово одной фразы становится первым словом следующей фразы. Повторное использование эпанастрофы называется климаксом. Эти риторические приемы придают речи стройность и силу.

Указав на причину и цель похвалы, Святитель обращает внимание на хвалимое им лицо. Напрямую обращаясь к Ирону, Святитель использует анафору, употребляя слово *приступи* пять раз: «Приступи, наилучший и превосходнейший из философов... Приступи, обличитель лжеименной мудрости... Приступи, мой философ и мудрец... Приступи и стань близ сея Жертвы... Приступи, увенчаю тебя нашими венцами...»¹⁰. В конце этого ряда похвал с анафорой, Святитель величает Ирона, «победившего ложь ересей во славу Живого Бога, собственными страданиями научающего страдать»¹¹. Страдания Ирона именно потому и похвальны, что они причастны к страданиям Бога. Деяния Ирона потому и славны, что они совершены во славу Бога. Так Святитель подчеркивает, что подлинная похвала Ирона – это похвала в Боге. Бог, а не человек является настоящим источником славы и похвалы. За добродетелями Ирона проступает совершенство Божества, которое становится подлинным объектом хвалы.

Традиционно начало похвальных речей включало в себя описание внешних достоинств определенного лица, благородство его происхождения, рассказ о его родине, родителях, воспитании, друзьях, богатстве, славе и т.д.¹². Святитель, следуя известной схеме, также говорит о благородстве Ирона, его родине и происхождении. Но подлинное благородство для Святителя – это не благородство того происхождения, «которое берет свое начало в баснословии, гробах и давно согнившей уже кичливости, сообщается с кровию и с граматами, и которое дает ночь или рука властелина»¹³. Подлинное благородство – это благочестие, добрая нравственность и стремление к Богу. Именно этим благородством и отличается Ирон, воспринявший добродетель от христианских мучеников, с которыми связано его подлинное происхождение, с которыми он имеет духовное родство. Игнорируя внешнее благородство происхождения, даже там, где оно есть, Святитель подчеркивает нравственное достоинство хвалимой личности. «О благородстве надобно судить по личным достоинствам», - читаем мы в панегирике святителю Василию¹⁴.

Говоря о родине философа, Святитель замечает, что по духу Ирон, как философ-киник, является гражданином вселенной, а по плоти – гражданином ревностного в христианстве города Александрии, который стоит наряду с Константинополем или следует за ним. Вскоре после произнесения этого панегирика именно Ирон попытается опровергнуть утверждение Святителя о положении Александрии. Претензии Александрии на первенствующее положение на Востоке проявятся в том, что прибывшие в столицу александрийские епископы тайно рукоположат Ирона во епископа Константинополя. Возникший конфликт будет решен не в пользу Ирона Вторым Вселенским собором в 381 г.

В слове святителя Григория мы не найдем обычного для античного панегирика восхваления физических достоинств Ирона, его здоровья, силы, красоты, живости ощущений. Для святителя Григория, как для христианина, существовал приоритет духовного над материальным. Поэтому после рассказа о воспитании и образовании Ирона он особо подчеркивает характер выбранного Ироном пути. Ирон отвергает роскошь, богатство, могущество, решает стать философом: «Философии вручает владычество над страстями, со всею бодростью стремится к добру, еще до разлучения с веществом отрешается от вещественного, борется с видимым, всем величием природных сил, всем благородством произволения прилепившись к постоянному»¹⁵. Святитель только вскользь вспоминает о величии природных сил Ирона. Внешние, физические достоинства человека не имеют определяющего значения.

Поэтому Святитель, подчеркнув приоритет духовной жизни, сразу переходит к описанию духовных достоинств философа.

Заимствовав все лучшее в античной философии и став на христианский путь, Ирон доказал собой, что благочестие и любомудрие состоят «в твердости души, в чистоте ума и в искренней склонности к добру»¹⁶. Плодом такой философии стало стремление говорить правду, через обличение исправлять человеческие и общественные недостатки.

Описывая духовные добродетели хвалимого лица, авторы панегириков особое внимание обращали на те сложные обстоятельства, в которых эти добродетели находили свое выражение. Восхваление посредством антитезы, оттеняя величие и благородство исповедника описанием тех несчастий, которые принесли с собой ариане: «Чтобы не распространяться о целомудрии, воздержности, смирении, приветливости, общительности, человеколюбии и о прочих доблестях, которыми наш философ превосходит всех, обратимся к тому, что по порядку времени последнее, а по важности первое»¹⁷.

Рассказ о бедствиях Церкви от ариан напоминает подобные рассказы других панегириков, в которых возвеличивание главного героя также происходило через противопоставление его жестокому тирану. Для сравнения параллельно со словами святителя Григория, рассказывающего об эпохе правления императоров Констанция и Юлиана, приведем отрывок из панегирика Латина Паката Дрепаниа в честь императора Феодосия Великого. В этом панегирике, произнесенном в 389 г. (т.е. только на 10 лет позднее слова Святителя), превозносится победа императора над узурпатором Максимом, захватившем власть в Галлии.

«Итак, с чего же мне начать, как не с твоих, Галлия, бедствий?.. Мы первыми испытали натиск яростного чудовища, мы досыта напятили его жестокость кровию невинных людей, мы насытили его алчность, доведя себя до полной нищеты... Кто бы мог сравниться с нами в этом несчастии? Мы претерпели тирана и вместе с другими, и в одиночку. Что мне сказать о городах, покинутых своими жителями, о пустынных местностях, полных знатными беженцами? О конфискованном имуществе му-

«Потом настает худое царствование, и снова оживает зло; как будто раскрываются и прорываются нагноившиеся раны; как будто свирепые волки, окружив нас со всех сторон, терзают Церковь... Но кто должным образом изобразит вполне тогдашние бедствия – изгнания, описания имуществ, бесчестия, переселения в пустыню многих тысяч и целых городов, бедствующих там под открытым небом, страждущих от дождей и стужи, и принуждаемых бежать даже и из самой пустыни, потому что и она не избавляет от опасности? Кто

<p>жей, исполнявших важнейшие обязанности, о лишении их гражданских прав; об их жизнях, за которые было обещано золото? Мы видели, как отбирались звания, как консулов лишали их трабей; мы видели стариков, потерявших свое состояние, и детей, веселившихся вблизи самого скупщика имущества с вызывающей слезы беззаботностью»¹⁸.</p>	<p>изобразит бедствия и сих жесточайшие – побои, смерти, изведение на позор епископов, ведущих любознательную жизнь, мужей, жен, юношей, старцев? Кто изобразит, как народовластители изобретают новые мучения, к изобретенным присовокупляют новые, служативают нечестию, часто тем единственно заслуживают одобрение, что оказывают жесткости даже сверх воли державного?»¹⁹.</p>
---	--

Для усиления воздействия своей речи, оба оратора использовали риторические вопросы. Святитель Григорий все свои вопросы начинает с анафоры «Кто изобразит...». Описания бедствий имеют иногда почти одинаковые выражения: в поисках спасения люди покидают города и устремляются в пустыню. Обращая внимание на мелкие детали, ораторы придают своим рассказам особый драматизм.

<p>«С каждым днем росла жажда обладать, а захваченное разжигало иступленное желание приобретать вновь и вновь... Он сам, облачившись в пурпурные одежды, стоял у стрелки весов, и, бледный от жадности, следил за движением гирь и колебанием их стрелки. Между тем приносили награбленную в провинциях добычу, одежду изгнанников, имущество убитых. В одном месте взвешивалось золото, сорванное с рук матрон, в другом – буллы, стащенные с шеи детей-сирот, в третьем – серебро, обгаренное кровью его владельцев. Повсюду считали деньги, наполняли казну, собирали монеты, вдребезги разбивали домашнюю утварь, так что каждому взирающему казалось, будто он видит не императорский дворец, а разбойничий притон»²⁰.</p>	<p>«Снаряжалась сила, кипящая яростью, - воинство необычайное и свирепое против людей безоружных и невоителей... На святых поднято оружие, на неприкосновенных занесены нечистые руки, и песнопения заглушены звуком труб. Смотри же, что за сим еще следовало: мужи падали мертвыми в святилищах; жены, даже с носимым ими</p> <p>Естественным бременем, попираемы были ногами, и от того преждевременно рожали, или, точнее сказать, делались нераждающими; дев влекли немилосердно, подвергали позорным истязаниям... одни, от неблагопристойности ими видимого, бросались в колодцы, находившиеся внутри храма, другие кидались стремглав из верхних притворов, иные кучами повергались на лежащие трупы. Убийства следовали за убийствами, поражения за поражениями; святыня потоптана нечистыми ногами, алтари поруганы бесчинными телодвижениями и песнями»²¹.</p>
--	--

Святитель не скупится на краски, изображая бедствия и преследования, которые Церковь испытывала от ариан. На фоне этих бедствий Ирон выглядит настоящим героем. Бесстрашный философ имел мужество восстать против арианской хулы на Божество, за что претерпел страдания и изгнание.

В сравнении с обширным описанием несчастий Церкви и злодеяний гонителей рассказ Святителя об испытаниях и исповедничестве Ирона значительно меньше по объему. В какой-то момент может показаться, что проповедник словно забывает об Ироне, как объекте своей похвалы. Однако, отличаясь краткостью и лаконичностью, описание деяний Ирона поражает нас своей силой и выразительностью.

Святитель придает своей речи несколько отрывочный характер, тем самым создавая особый внутренний ритм и делая ее мощной. Эту мощь и ритм проповедник создает, используя асиндетон, или бессоюзие: «(Ирон) делами и словами состязался за добродетель, учил, назидал, возносил, порицал, упрекал, смущал простецов, князей, наедине, всенародно, во всякое время и во всяком месте»²².

Некоторые высказывания Святителя в этом небольшом рассказе имеют поэтический характер. Действия ариан, говорит Святитель, взволновали всех благочестивых людей, в том числе и Ирона, «который и умом превосходит (других), и горячее (других) ревностью» (*καὶ τὸν λόγον τελεώτερος καὶ τὸν ζῆλον θερμότερος*)²³. Поэтичности и ритмичности речи Святителя способствует использование антитез. «И хотя сгибается видимое (ὀρώμενον), не разрушается внутреннее (νοούμενον)», - говорит св. Григорий о телесных мучениях Ирона²⁴. Немного ниже в этом же периоде Святитель еще несколько раз использует антитезы: неимеющего отечества изгоняют из отечества; безлюдная пустыня, ставшая местом ссылки, благодаря присутствию Ирона становится значительным селением.

В отрывке, описывающем выступление Ирона против ариан, Святитель играет смысловыми оттенками некоторых фраз. Он замечает, что беззаконие ариан возбудило, взволновало Ирона. «Тебя же взволновало», т.е. тебя, киника (*κινικόν*), взволновало (*κίνεῖ*), говорит Святитель, обыгрывая звучание греческого глагола *κινέω*, напоминающее название той философской школы, к которой принадлежал Ирон. «Сражаешься за Слово, поражаемый от нечестия», - далее произносит проповедник²⁵, возможно, понимая под *Словом* не только Божественное Слово, но и то слово, против которого также как и против Божественного Слова была направлена вся борьба ариан, слово *единосуцный*.

Особую эмоциональность словам проповедника придает гипербола и парентеза. Некоторое преувеличение в описании деяний Ирона происходит от самого жанра панегирика. Безусловно, что слова Святителя о пустыне, которую философ своим присутствием сделал значительным селением, о теле исповедника как об останках плоти являются сильным преувеличением. Что касается парентезы, то предложения, вставленные в конструкцию уже начатого предложения, неоднократно встречаются на протяжении всего слова. Парентеза обычно придает речи эмоциональный, даже личный характер и потому помогает удерживать внимание слушателей. Встречается парентеза и в отрывке о страданиях Ирона: «Ты схвачен и (Как благородно твое бедствование! Как священны твои раны!) доблюю плоть свою отдаешь на бичевание, оставаясь как бы зрителем чужих страданий»²⁶.

Очень кратко сказав о страданиях Ирона, Святитель переходит к большой заключительной части своего слова. Заключение, также как и вступление, открывается призывным обращением к философу. В этом обращении, как и в самом начале проповеди, Святитель использует анафору, несколько раз повторяя слово *посрамляй*: «Посрамляй, как и прежде, и суеверие эллинов, и их многобожное безбожие... Посрамляй и восстания ересей...»²⁷. Призывные слова, обращенные к Ирону, переходят в провозглашение веры.

Святитель расширенно излагает православную веру, выстраивая это изложение в форме призыва следовать истинной вере, обращенного уже не столько к Ирону, сколько ко всем слушающим. Проповедь истинной веры у святителя Григория, приобретает очень торжественный, почти гимнический характер. Этот гимн веры является настоящей кульминацией всего похвального слова. Теперь окончательно становится ясно, что подлинным объектом похвалы в данном слове является не философ Ирон, а Троица Божья. Само же изложение веры отличается внешней стройностью. Ритмичность этому изложению придает использование анафоры. Исповедание каждого Лица Святой Троицы начинается словом *αληθως/истинно*, а при разъяснении учения Святитель в начале предложений чередует слова *бойся – не бойся – бойся – не бойся*²⁸.

В конце расширенного исповедания веры Святитель говорит о том, что вера превышает человеческих слов и не зависит от искусства слова: «Не страшно быть побежденным словом, потому что не все искусны в слове, страшно причинить вред Божеству, потому что Оно есть всех надежда»²⁹. Талантливый ритор и красноречивый проповедник, святитель Григорий далек от тех античных риторов, которые ставили истину в зависимость от

умения доказать эту истину и считали, что дар слова может из великого сделать малое и из малого – великое.

Завершается слово напутствием Ирону и хвалой Иисусу Христу.

Слово в похвалу философа Ирона свидетельствует о глубокой укорененности святителя Григория Назианзина в античную литературную традицию. Построенное по правилам, характерным для панегирического жанра, отличающееся обилием риторических приемов, это слово свидетельствует также и об идейном переосмыслении жанра панегирического красноречия. В центре нового христианского жанра панегирика-проповеди стоит не человек, но Бог. Похвала человеку становится поводом для похвалы Богу, поскольку все лучшее, что может быть в человеке, имеет своим источником Бога. Новые, христианские идеи Святитель преподносит греко-римскому обществу в привычной для него, традиционной внешней форме. Используя в целях проповеди античные литературные формы, святитель Григорий поступал так же, как поступали богодухновенные авторы Ветхого Завета и Сам Спаситель, Который вечные, вневременные божественные истины доносил реальным земным людям на понятном для них человеческом языке, в том числе на образном языке конкретной исторической культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Безобразов П. В., Любарский Я. Н. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Михаил Пселл: личность и творчество. СПб., 2001. С. 355.

² Gregoire de Nazianze. Discours 24-26. Sources Chretiennes, 284. Paris, 1981. P. 156.

³ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 357-358.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Певницкий В. Образование отцов-проповедников 4 века // Труды Киевской Духовной Академии. 1892. Т. 3. С. 48.

⁷ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. С. 602.

⁸ Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996. С. 283, 285.

⁹ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. С. 358.

¹⁰ Там же. С. 358-359.

¹¹ Там же. С. 359.

¹² О традиционной схеме античного панегирика см.: Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 277-278.

-
- ¹³ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. С. 359.
- ¹⁴ Там же. С. 604.
- ¹⁵ Там же. С. 360.
- ¹⁶ Там же. С. 361.
- ¹⁷ Там же. С. 363.
- ¹⁸ Латин Пакат Дрепаний. Панегирик императору Феодосию // Шабига И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 122.
- ¹⁹ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1 С. 364.
- ²⁰ Латин Пакат Дрепаний. Панегирик императору Феодосию. С. 123.
- ²¹ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. С. 366-367.
- ²² Перевод А. В. Sources Chretiennes, 284. P. 188.
- ²³ Перевод А. В. Там же.
- ²⁴ Перевод А. В. Там же.
- ²⁵ Перевод А. В. Там же.
- ²⁶ Св. Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. С. 367-368.
- ²⁷ Там же. С. 368-369.
- ²⁸ Sources Chretiennes, 284. P. 196-198.
- ²⁹ Перевод А. В. Там же. P. 202.